

«ПРИНИМАЙ НАС, СУОМИ-КРАСАВИЦА»: ПАМЯТЬ О СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ 1939–1940 ГГ. И КОНСТРУИРОВАНИЕ «ПОДЛИННОЙ» ИСТОРИИ ВОЙНЫ

Королев Кирилл Михайлович

Историко-культурный центр «Патрия»,

Санкт-Петербург, Россия

cyril.korolev@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются причины фактического исчезновения советско-финляндской войны 1939–1940 гг. из официального дискурса государственной исторической политики, в котором эта война оказывается своего рода фигурой умолчания и полностью выпадает из коммеморативных практик. Также обсуждаются низовые практики коллективной памяти об этой войне на территориях нынешних Ленинградской области и Республики Карелия, то есть на тех территориях, где непосредственно велись боевые действия, и рассматривается внимание к войне со стороны академического сообщества как в советский период, так и в постсоветской России. На ряде современных примеров из разных областей общественной деятельности показывается, что память о советско-финляндской войне сегодня во многом конструируется и воображается заново с учетом личных и групповых интересов на местах, причем эта «реконструкция» порой приобретает достаточно гротескные формы, а конфликт как таковой переосмысливается, в том числе через апелляцию к травматическому опыту обеих враждующих сторон, в общем контексте взаимоотношений Финляндии и СССР в 1920-х–1940-х гг., какими они виделись в позднесоветский период и какими видятся из сегодняшнего дня.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, Зимняя война, история СССР, историческая память, музейное дело, негосударственные музеи, историческая политика.

Цитирование: Королев К.М. «Принимай нас, Суоми-красавица»: память о советско-финляндской войне 1939–1940 гг. и конструирование «подлинной» истории войны // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 42–57. DOI 10.185722/2500-3224-2021-3-42-57 / Korolev C.M. "Greet Us, Beautiful Suomi!": Memory of the 1939–1940 Soviet-Finnish War and Construction of the "True" History of War, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No 3. Pp. 42–57. DOI 10.185722/2500-3224-2021-3-42-57.

© Королев К.М., 2021

“GREET US, BEAUTIFUL SUOMI!”: MEMORY OF THE 1939–1940 SOVIET- FINNISH WAR AND CONSTRUCTION OF THE “TRUE” HISTORY OF WAR

Korolev Cyril M.

The Patria Center for History and Culture,
St. Petersburg, Russia
cyril.korolev@gmail.com

Abstract. The article analyzes the reasons for the disappearance of the 1939–1940 Soviet-Finnish War from the official discourse of state historical policy. This war turns out to be ignored and completely drops out of formal commemorative practices. The grassroots collective commemorative practices in the territories of the Leningrad Region and the Republic of Karelia also are being discussed. The attention of the academic community to this war, both in the Soviet period and in post-Soviet Russia, and are examined. A number of current cases from various social spheres show that the memory of the war today is largely constructed and re-introduced based on personal and group interests. This reconstruction sometimes takes rather grotesque shapes. The conflict is being rethought through an appeal to the traumatic experience of both sides in the general context of relations between Finland and the USSR in the 1920s-1940s, as they were seen in the late Soviet period and as seen today.

Keywords: Soviet-Finnish War, Winter War, history of the USSR, memory studies, museum, non-state museums, historical policy.

На рубеже 2010-х гг. в официальной риторике российских властей стало все чаще встречаться выражение «забытая война»: в преддверии столетия начала Первой мировой войны это словосочетание сделалось фактическим синонимом обозначения «Первая мировая», а к 2018 г. прочно утвердилось в публичном дискурсе [Гребенкин, 2014]¹. Между тем среди войн, которые Россия и СССР вели в XX столетии, есть война, которая, на наш взгляд, гораздо больше, нежели Первая мировая, заслуживает определения «забытая». Это советско-финляндская война 1939–1940 гг., память о которой сегодня находится на периферии общественного внимания и поддерживается во многом только благодаря усилиям активистов на местах.

Как представляется, причин такой маргинализации памяти о советско-финляндской войне несколько: это и «тьма», в которой она оказалась из-за начала вскоре после ее завершения «большой» войны, т. е. Великой Отечественной²; и официальная символическая политика позднесоветского периода, в рамках которой сотрудничество с Финляндией как лояльной к СССР страной капиталистического мира не должно было омрачаться воспоминаниями о 1939–1940 гг. и более ранних конфликтах³; и перестроечные публикации в СМИ на эту тему, выставившие Советский Союз агрессором, а «маленькую и беззащитную» Финляндию — жертвой неспровоцированного нападения⁴.

В итоге сегодня наблюдается следующая картина: официальная коммеморация событий 1939–1940 гг. не проводится и не предусматривается — даже в тех регионах Северо-Запада России, которые были непосредственно затронуты этой войной

¹ Ср. высказывание экс-министра культуры и председателя Российского военно-исторического общества (РВИО) В.Р. Мединского на торжественном собрании Оргкомитета по подготовке мероприятий в честь столетия «забытой» войны в ноябре 2018 г.: «По опросам ВЦИОМ, проведенным в 2014 г., лишь 34% россиян считали Россию одной из стран-победительниц, зато другая треть опрошенных полагала, что наша страна ту войну проиграла. Буквально только что я получил данные аналогичного опроса, проведенного в нынешнем году. Налицо заметный рост числа тех, кто уверен в военной победе России 100 лет назад: таковых уже почти 50 %. Кроме того, за прошедшие четыре года с 30 до 50 % увеличилось количество наших граждан, осведомленных о событиях Первой мировой. Резюмирую: еще не так давно представления о месте России в Первой мировой были у нас расплывчатыми. Зато сегодня мы знаем, что наша страна сыграла в ней ключевую роль и была в шаге от победы. Такое знание — в значительной степени результат тех просветительских, патриотических мероприятий и проектов, которые проведены за последние годы» [Мединский рассказал о «моральном удовлетворении»..., 2018]. См. также подборку статей по запросу «Первая мировая» на государственном интернет-портале «История.рф», прежде всего статью И. Гребенкина [Гребенкин, 2014].

² Недаром еще в 1943 г. А.Т. Твардовский в своем известном стихотворении, посвященном войне с Финляндией, назвал эту войну «незнаменитой»: «Примерзший, маленький, убитый / На той войне незнаменитой, / Забытый, маленький, лежу».

³ Об этом см., например, [От войны к миру..., 2006].

⁴ См.: [Аптекарь, 1992; Вихавайнен, 1995 и др.]. Ср. в этой связи подзаголовок книги П.А. Аптекаря «Советско-финские войны» [Аптекарь, 2004]: «Самые позорные в истории русского оружия». Стоит, пожалуй, напомнить и о том, что в 1994 г. первый президент РФ Б.Н. Ельцин публично признал советско-финляндскую войну «преступлением Сталина против Финляндии»; это высказывание по сей день трактуется публицистами и участниками бесчисленных сетевых баталлий с обеих сторон как неоспоримое доказательство агрессии и вины СССР в развязывании войны. См., например, [Широкоград, 2020; Зимняя война 1939–1940 гг., 1998].

(Ленинградская область в границах до 1929 г., Республика Карелия); более того, данная тема, как было недавно сказано автору этих строк на условиях анонимности сотрудником региональной администрации, признается в официальной риторике нежелательной и неудобной, поскольку «наверху» не сформулировано четкой позиции в отношении советско-финляндской войны, и лучше оставить эту войну «фигурой умолчания». Государственная мемориализация объектов войны на региональном уровне как будто осуществляется¹ — во всяком случае, в Ленинградской области инженерные сооружения так называемой линии Маннергейма на Карельском перешейке с 2015 г. имеют статус выявленных объектов культурного наследия, а с апреля 2019 г. считаются памятником культуры регионального значения². Тем не менее, это решение пока не получило зримых, практических последствий, объекты линии Маннергейма не сделались «местами памяти», и, учитывая изложенную выше точку зрения региональных чиновников, могут и впредь являться таковыми лишь на бумаге.

Принимая во внимание официальный взгляд на советско-финляндскую войну (точнее, отсутствие такового³), не вызывает ни малейшего удивления то обстоятельство, что память об этой войне сохраняется — и во многом конструируется заново, о чем подробнее будет сказано ниже — преимущественно стараниями академического сообщества и энтузиастов на местах.

Среди ученых советско-финляндская война вызывала и продолжает вызывать сугубо исследовательский интерес — как пример локального конфликта XX столетия, как военное противостояние сверхдержавы и малой страны, как одно из ранних масштабных и протяженных сражений Второй мировой. Недавно петербургские историки И.Г. Брызгалов и С.В. Пищулин публично презентовали свое библиографическое исследование «Память о Зимней войне в исследованиях и документах. Попытка историографического осмысления» [Память о войне. Попытка историографического осмысления, 2021]. Из этой презентации следует, что академическая память о советско-финляндской войне в СССР/России развивалась поступательно, в 3 этапа: 1) по «горячим следам» войны — несколько работ увидело свет уже в 1940 г., после чего «финский поход», цитируя мемуары Н.С. Хрущева, надолго исчез из общедоступных публикаций, не считая крайне редких малотиражных изданий; 2) с отменой гласной и негласной советской цензуры — в 1990-е гг.; 3) после 2000 г, в том числе благодаря русским переводам западных (финских,

¹ Отмечу, что еще в 2013 г. президент В.В. Путин на встрече с членами РВИО и участниками поискового движения призвал «читать память погибших советских солдат, которые выполняли воинский долг» на этой войне. См.: [Путин: СССР в войне с Финляндией хотел..., 2013].

² См.: [Приказ Комитета по культуре Ленинградской области..., 2019]. При этом объекты войны в соседнем Приозерском районе Ленинградской области такого статуса (пока?) лишены.

³ Укажу здесь также, что для советско-финляндской войны отсутствуют аналоги информационных сервисов «Память народа» (<https://pamyat-naroda.ru/>) и «Подвиг народа» (<http://podvignaroda.ru/>), поддерживаемых и наполняемых министерством обороны РФ; в указанных базах упоминания о событиях 1939–1940 гг. встречаются крайне редко. При этом в финской базе данных военнопленных и интернированных в Финляндии в 1939–1945 гг. «Кронос» (http://kronos.narc.fi/index_rus.html) содержится немало сведений о советских солдатах — участниках советско-финляндской войны.

английских и американских) исторических работ о событиях 1939–1940 гг. По подсчетам И.Г. Брызгалова, на сегодняшний день на русском языке опубликовано уже более 2000 оригинальных и переводных работ (статей и книг), посвященных этим событиям. Таким образом, можно допустить, что советско-финляндская война в историографии военных конфликтов XX столетия уступает по количеству изданий на русском языке только Великой Отечественной, Первой и Второй мировой и гражданской войнам, а среди локальных конфликтов периода 1930-х–1940-х гг. и вовсе является наиболее обсуждаемой в академическом сообществе.

На наш взгляд, отчасти такое внимание к советско-финляндской войне со стороны ученых обусловлено именно тем обстоятельством, что эта война в официальном дискурсе остается в современной России «фигурой умолчания», о которой не принято говорить и которую не принято вспоминать: данная тема не то чтобы под запретом, но находится вне широкого обсуждения и вне общественной проблематики, а потому историки предпринимают попытки вернуть эту тему в публичное поле, усматривая в «фигуре умолчания» повод к углубленным изысканиям по несправедливо забытой войне; кроме того, научному интересу способствует тот факт, что в Финляндии новые публикации по советско-финляндской войне выходят едва ли не ежегодно¹, – это побуждает присматриваться к финскому опыту преодоления исторической травмы и заново переосмысливать опыт отечественный (который применительно к этой войне замечательно характеризуется метафорическим выражением А. Эткинды – «кривое горе» [Эткинды, 2016]).

Любопытно отметить в этой связи, что на русском языке до сих пор не издана – в отличие от историй других стран Северной Европы – академическая история Финляндии, хотя проект по изданию подобной книги существовал уже в 1970-х гг. Как вспоминал известный отечественный скандинавист А.С. Кан, возглавлявший в те годы проект по публикации обобщающих трудов по истории скандинавских стран и Финляндии, выход книги о Финляндии «погубили непримиримые расхождения между редактором и автором глав по новейшей истории Виктором Холодковским, с одной стороны, и сотрудниками международного отдела ЦК партии, авторами других глав по той же эпохе – с другой» [Кан, 2006, с. 110]; давно нет ни международного отдела ЦК, ни самой КПСС, но академическая история Финляндии по-русски представлена на сегодняшний день только переводными обобщающими работами – книгами В. Расилы [Расила, 2006], О. Юссила и др. [Юссила, Хентилия, Невакиви, 2010], Х. Мейнандера [Мейнандер, 2013], К. Рентолы [Рентола, 2020], – которые, что ничуть не удивительно, рассматривают советско-финские отношения с финской точки зрения, формируя у современного российского читателя несколько искаженное представление об этих отношениях и тем самым выступая действенным инструментом исторической политики. В частности, отдельная глава монографии К. Рентолы посвящена советско-финляндской войне и следует устоявшейся логике финской историографии:

¹ О Зимней войне как важнейшем месте финской коллективной памяти см., например, указанную выше статью Т. Вихавайнена [Вихавайнен, 1995] и его главы в упомянутом выше сборнике под редакцией О.А. Ржешевского [Зимняя война 1939–1940 гг., 1998].

Сталин коварно напал на Финляндию, но финны, даже без реальной поддержки от Германии или западных держав, сумели выстоять и не позволили превратить свою страну в советскую республику наподобие стран Балтии [Рентола, 2020, с. 14]. В отсутствие четко сформулированного альтернативного советского / российского научного взгляда на ситуацию, изложенного в обобщающем авторитетном труде, такая точка зрения неизбежно утверждается в коллективном знании как единственно верная, не подразумевающая иных интерпретаций, и во многом определяет глубину нынешней массовой, если допустимо так выразиться, памяти¹.

Что касается усилий энтузиастов на местах, тематика советско-финляндской войны сделалась для них актуальной в 2000-е гг. — как представляется, на волне развития низовых инициатив музейно-краеведческого характера, которыми отмечен этот хронологический период. Вообще такие инициативы стали приметой своего времени: в известной степени это результат государственной исторической политики, пристального внимания к истории страны и политического ее использования, плод пропаганды, подчеркивающей важность и значимость событий прошлого для жизни в настоящем. Общество, утратившее с распадом СССР идеалы развития, заново открыло для себя (благодаря, повторюсь, государственной политике²) прошлое как способ обретения и утверждения идентичности, как опору, на которой возможно обустроить настоящее и планировать будущее, — и приступило к фиксации, музеефикации и конструированию «мест памяти» согласно личным и групповым интересам. Отдельные, немногочисленные «места памяти» были признаны общими — это, прежде всего, Великая Отечественная война (количество «народных» военных музеев и проектов музейного типа только на территории Северо-Западного федерального округа исчисляется десятками³), в меньшей степени — народные традиции, при всей условности этого понятия, а далее в каждом регионе стали возникать частные и общественные музеи, отражавшие местную специфику и личные увлечения их основателей, в том числе применительно к тем событиям прошлого, которые когда-то имели общегосударственный масштаб, но которые по каким-либо причинам впоследствии выпали из «большого нарратива». Это, безусловно, справедливо для советско-финляндской войны: сегодня она актуальна для жителей тех регионов, где некогда разворачивались боевые действия, то есть для Ленинградской области и Республики Карелия, а для других регионов остается во многом позабытой (отмечу, что в школьной программе по истории эта война освещается крайне фрагментарно; подробнее см.: [Грибан, Антропов, 2017]). Причем даже в двух перечисленных регионах память о советско-финляндской войне носит выборочный характер (скажем, мемориализируется — на низовом уровне — штурм линии

¹ Разумеется, степень влияния академических публикаций на «массовую память» в современном информационно перенасыщенном обществе невелика, но механизмы трансляции исторического знания — от монографий к СМИ и далее в публичное пространство — продолжают работать, обеспечивая воспроизведение социумом конкретных представлений об истории. Собственно, именно так во многом и формируется низовая историческая политика.

² Об этой политике и ее трансформациях см. [Малинова, 2013].

³ По данным информационно-аналитического проекта «Новый Музеон» (<https://vk.com/newmuseon>).

Маннергейма и благоустраиваются воинские захоронения тех лет, но фактически умалчивается о слабой боеготовности частей РККА), она не столько сохраняется, сколько конструируется заново, и во многом постепенно вытесняется памятью о Второй мировой (если использовать финскую терминологию, Зимняя война вытесняется / подменяется Войной-продолжением) и о сталинском «переселении народов». Иными словами, даже такая память, обусловленная личным интересом к войне и географической спецификой, обречена, как кажется, на отмирание, если советско-финляндская война и далее будет оставаться «фигурой умолчания» в государственной исторической политике, руслу которой следует низовая память¹.

На территории Ленинградской области, в Выборгском и Приозерском районах, действуют сегодня три музея, посвященных советско-финляндским военным противостояниям; кроме того, события 1939–1940 гг. освещаются – как правило, фрагментарно – в экспозициях районных краеведческих музеев, включая сюда муниципальные. Также необходимо упомянуть один частный музей в Сестрорецке (это Курортный район Санкт-Петербурга) и мемориальный парк в Лодейном Поле: формально они рассказывают о противодействии Красной Армии финнам в 1941–1944 г., но в нынешнем коллективном восприятии, как приходится снова повторять, эти два хронологических периода накладываются друг на друга, а экскурсии – что в Сестрорецке, что в Лодейном Поле – намеренно, как кажется, строятся таким образом, чтобы две войны, Зимняя и Великая Отечественная, для посетителя музея / парка сливались в одну (из личных наблюдений). В Республике Карелия действуют четыре частных музея «финских войн», причем лишь в одном из них советско-финляндская война удостоивается отдельного освещения – как эпизод отношений СССР и Финляндии в 1920-х–1940-х гг. В экспозициях республиканских музеев, включая, опять-таки, муниципальные, события 1939–1940 гг. практически не освещаются².

Если рассматривать формы низовой памяти и низовые меморативные репрезентации советско-финляндской войны, то здесь, на наш взгляд, можно выделить

¹ Показательно, что в ситуации памяти о Великой Отечественной наблюдается взаимное влияние «большого нарратива» и низовой памяти: последняя, будучи, безусловно, во многом обусловлена официальной исторической политикой, развивает и уточняет «большой нарратив», дополняя его содержание теми или иными памятными эпизодами, которые ранее из этого нарратива почему-то выпали. Примеры подобных уточнений см. в [Королев, 2021]. А память о советско-финляндской войне остается, по сути, частной, причем «большой нарратив» Великой Отечественной ее неуклонно поглощает и стирает, порождая квазиисторические мифы: «Финны же нас победили, а потом [в Великую Отечественную – К.К.] мы их прогнали» (слова посетителя музея финской войны в Карелии, переданные в частной беседе с автором этих строк директором музея, весна 2021 г.).

² О причинах подобного умалчивания в официальном дискурсе говорилось выше. Любопытно, что в современной музейной трактовке исторических событий, важных, казалось бы, для конкретной местности аналогичная картина наблюдается не только применительно к советско-финляндской войне, но и к другим «неудобным» событиям прошлого, о которых непонятно как говорить. Так, в Музее истории Кронштадта в марте-апреле 2021 г. работала временная выставка, посвященная Кронштадтскому восстанию 1921 г., но в основной, постоянной экспозиции музея это событие никак не представлено (личное наблюдение). То есть налицо юбилейная, если можно так выразиться, коммеморация, но вне ее рамок: те или иные события прошлого остаются за пределами музейного дискурса – и то же самое справедливо в отношении репрезентаций советско-финляндской войны в региональных государственных музеях.

следующие особенности, характеризующие текущую ситуацию. Во-первых, это сам факт актуализации памяти о «незнаменитой» войне; во-вторых, это вовлечение посетителей в условно-непосредственное взаимодействие с мемориализируемым прошлым; в-третьих, это декларируемое стремление к объективному представлению событий 1939–1940 гг. и последующих лет, зачастую представляющее стороннему непредвзятому взгляду как сознательная «демонизация» противника.

Побудительным мотивом к актуализации памяти о Зимней войне¹ чаще всего, если обратиться к истории создания народных музеев в Ленинградской области и Карелии, выступает личный интерес создателя (или создателей): кто-то коллекционировал финские военные листовки, кто-то пришел к музею через участие в военно-исторических реконструкциях, «отыгрывая» финского или советского солдата, кто-то счел возможным музеефицировать и коммодифицировать семейную историю... Так или иначе, за каждым негосударственным музеем советско-финляндской войны в указанных регионах стоят конкретные люди, для которых события 1939–1940 гг. важны настолько, что они считают необходимым разделить свой интерес к этим событиям не только с достаточно узким кругом единомышленников, но и с широкой публикой. Впрочем, личный интерес в качестве побудительного мотива актуализации памяти чреват, разумеется, тем, что он может со временем угаснуть, и это означает, что такие музеи (и сама память, которую они актуализируют) неизбежно обречены на исчезновение без поддержки государства хотя бы на региональном уровне, без встраивания этих музеев в официальную историческую политику, — и тут мы вновь возвращаемся к Зимней войне как «фигуре умолчания» в современной официальной исторической политике.

Если отталкиваться от бесед с учредителями / руководителями негосударственных музеев, для публики en masse советско-финляндская война продолжает во многом оставаться войной «неизвестной» (ср. приведенное выше высказывание посетителя о победе финнов), а музеи посещаются не столько потому, что людям хочется ликвидировать этот пробел в своих знаниях, сколько просто в ряду прочих местных достопримечательностей, упомянутых в буклетах, путеводителях или на интернет-ресурсах². Развлекательная составляющая, необходимо присутствующая в самом

¹ Возможно, корректнее говорить о ре-актуализации, то есть о создании событий памяти, в терминологии А. Эткинды: «Я определяю события памяти как акты обращения к прошлому, изменяющие их устоявшиеся культурные значения» [Эткинды, 2016].

² Как представляется, этим же обстоятельством во многом обусловлен современный интерес широкой публики к двум важнейшим музыкальным «артефактам» советско-финляндской войны — песне бр. По-красс и А. Д'Актиля «Принимай нас, Суоми-красавица» (1939 г., более 900 000 просмотров видеороликов с этим музыкальным рядом на YouTube на июль 2021 г.) и «ответная» финская песня М. Юрвы и Т. Пеккаринена «Нет, Молотов» (1939 г., почти 2 000 000 просмотров и прослушиваний на YouTube). Важно отметить, что обе песни — именно «артефакты эпохи»; что в русскоязычном сегменте YouTube песня о Суоми-красавице присутствует не только в классическом исполнении Г.П. Виноградова, но и в исполнении нынешних популярных певцов (например, И. Растеряева); наконец что количественное преобладание в просмотрах и прослушиваниях финской песни над советской отражает в том числе упомянутые различия в исторической политике Финляндии (если шире, то Запада) и России — в первом случае память о войне продолжает актуализироваться, во втором она, скажем так, еще теплится, но остается на периферии восприятия.

понятии «туристический аттракцион», ярко проявляется в деятельности музеев, о которых идет речь. Все они – музеи интерактивные, где посетителям разрешается брать в руки выставленное оружие (подлинники или реплики), ходить по макетам оборонительных сооружений, примерять униформу и фотографироваться в ней и так далее. Порой при этом желание «погрузить» посетителей в историю принимает, следует сказать, довольно странные формы: полагаю, многим запомнилась история с «игрушечным» финским концлагерем, который на средства от Фонда президентских грантов хотели открыть в 2020 г. в карельской Кондопоге и водить в этот концлагерь школьные экскурсии; на волне общественного возмущения проект перенесли из городского пространства на частную территорию в Кондопожском районе Карелии, и шумиха вокруг него стихла¹.

В какой-то степени все музеи, о которых идет речь, практикуют так называемую «живую историю», и наиболее наглядной формой последней выступает, если говорить о музеефикации военной истории, военно-историческая реконструкция. Театрализованное зрелище, предлагаемое реконструкторами, позволяет зрителям на короткий срок очутиться в прошлом и воочию увидеть, «как все было». Эта форма «погружения» в прошлое, когда публично репрезентируются военные события, сегодня настолько популярна, что имеются все основания говорить о военно-исторических реконструкциях с точки зрения публики как о музеях под открытым небом – зрители не только развлекаются, наблюдая имитацию боя, но и узнают подробности того или иного сражения (хотя, конечно, развлекательный элемент зрелища выглядит здесь первичным в сравнении с познавательным). Музеи, посвященные советско-финским конфликтам, охотно принимают участие в таких реконструкциях, подчеркивая аутентичность предоставляемого оружия и обмундирования (даже если это реплики, а не оригиналы) и аутентичность местности – поскольку имитацию сражений, как правило, стараются проводить именно там, где когда-то шли настоящие бои. «Переигрывать» или «переписывать» историю реконструкторы не пытаются, но обычно для реконструкции выбираются те эпизоды боевых действий, где победа – за «нашими» (иначе зрители могут разочароваться и не прийти в следующий раз – непреложный закон индустрии развлечений, чрезвычайно важный для исследователя форм памяти, поскольку тем самым ход войны отчасти конструируется заново и в этом новом виде преподносится аудитории).

Еще одной формой вовлечения широкой публики в историю советско-финляндской войны является выезд на места боев для благоустройства воинских захоронений и посещения бывших оборонительных сооружений. Любительские экскурсии по дотам линии Маннергейма проводятся с тех самых пор, как эти доты стали доступными для посещения, но, опять-таки, подобные поездки предлагаются, скорее, как развлечение, пусть познавательное, как некий «экспириенс», связанный прежде всего с проникновением в труднодоступную местность (на вездеходе или пешком), а уже потом – с историей. Рискну предположить, что, предусматривая программа экскурсии,

¹ Подробнее см. интервью руководителя этого проекта, директора благотворительного фонда «Открытые возможности» Н.О. Абрамовой интернет-газете «Фонтанка» [«У нас, к сожалению, нет возможности создать что-то подобное»..., 2020].

при прочих равных, выезд к дотам времен Великой Отечественной, а не советско-финляндской войны, или к руинам укреплений петровских времен, для участников такая поездка нисколько не утратила бы своей привлекательности. Во всяком случае, такое впечатление складывается, к примеру, по отзывам участников поездок по дотам в группе Военного музея Карельского перешейка (Выборг)¹ в социальной сети «ВКонтакте». Что касается благоустройства захоронений, то здесь обращает на себя внимание тот факт, что работу, которую должны вести министерство обороны и местные органы власти, приходится выполнять частным музеям и волонтерам, которых эти музеи привлекают; велик соблазн упрекнуть государство в полном и сознательном пренебрежении монументами и захоронениями времен Зимней войны, но, как представляется, объяснение гораздо прозаичнее: никто целенаправленно эти захоронения не игнорирует, до них попросту не доходят руки — в силу их удаленности от населенных пунктов. Ядро волонтеров же в таких выездах — сужу по личным впечатлениям — составляют люди, для которых важна экстремальность среды «погружения» в историю, а все остальное, в том числе социальный долг², уже вторично.

В благоустройстве захоронений (с той и другой стороны) упомянутый выше Военный музей Карельского перешейка регулярно сотрудничает с финскими организациями памяти, и это один из немногих примеров плодотворного трансграничного сотрудничества в данной сфере. В целом же негосударственным музеям Ленинградской области и Карелии, рассказывающим о советско-финских военных конфликтах, свойственно подчеркивать негативные черты в поведении бывшего противника: жестокость финнов, презрение к «рюсси», стремление к насаждению своего порядка и др. Причем очень часто рассказ о советско-финляндской войне, когда затрагиваются эти негативные черты, плавно и незаметно перетекает в повествование о Войне-продолжении и финских концлагерях на оккупированной советской территории³, а также об участии финских войск в блокаде Ленинграда, — либо помещается в контекст финской гражданской войны 1918–1922 гг. с непременным упоминанием о зверствах белофиннов по отношению к мирному населению. Иными словами, советско-финляндская война в определенной мере маскируется

¹ В этом музее (https://vk.com/muzei_peresheika) работает единственная в России интерактивная диорама, посвященная советско-финляндской войне.

² Ощущение социального долга перед павшими нередко декларируется публично — и это сближает волонтеров таких поездок с участниками поисковых отрядов, — но трудно сказать, насколько искренними являются эти декларации.

³ Нельзя не отметить, что в упомянутой выше монографии К. Рентолы [Рентола, 2020] события 1941–1944 гг. вообще пропущены, как если бы в эти годы никаких контактов между СССР и Финляндией попросту не было. Соответственно, из истории двусторонних отношений выпадает важный период, и это умолчание со стороны финского историка дает повод если не к построению конспирологических теорий, то к определенным выводам о текущей финской исторической политике. Показательной здесь видится статья журналиста и популярного блогера Г.А. Зотова в еженедельнике «Аргументы и факты» под броским названием «Почему финны не признают вину в военных преступлениях». В статье на основании многочисленных свидетельств указанного хронологического периода делается вывод, что «финские солдаты реально совершали военные преступления: и против пленных, и против гражданских лиц. Замалчивать это, дабы не раздражать нашего соседа, было полной глупостью. Финляндия должна честно признать проблему, принести официальные извинения России и обсудить ситуацию» [Зотов, 2020].

другими военными конфликтами, а противник СССР в этой войне приобретает выраженные отрицательные черты, и война 1939–1940 гг. получает, по сути, не только геополитическое, как в справочниках [см., например: Война и общество в XX веке, 2008; Зимняя война 1939–1940 гг., 1998], но и моральное обоснование.

Утверждать, что финская сторона осознанно «демонизируется», будет, наверное, преувеличением, однако эта особенность нынешней низовой памяти об истории отношений с Финляндией действительно бросается в глаза. В этой связи нельзя не упомянуть о раскопках в карельском урочище Сандармох, предпринятых РВИО в 2018 г.: вокруг этого места развернулась настоящая война памяти, исход которой остается неясным, а формальным поводом для раскопок послужила гипотеза нескольких петрозаводских историков о наличии в урочище останков не только погибших на Соловецком этапе ГУЛАГа, но и жертв финского террора¹. Эта гипотеза возникла, как представляется, именно вследствие переосмысления советско-финских отношений в период от революции 1917 г. до завершения Второй мировой войны: такому переосмыслению со стороны части российского академического сообщества указанные отношения подвергаются последние полтора десятка лет², а низовая память, безусловно, ощущает хотя бы отчасти влияние текущих академических дискуссий наряду с «большим нарративом» – и соответственно трансформируется.

«Большой нарратив» Великой Отечественной, как уже отмечалось, во многом «затеняет» память о советско-финляндской войне и даже ее поглощает. Наверное, вполне естественно, когда война малая оказывается в тени войны куда более масштабной, развернувшейся вскоре после окончания первой. Но, в отличие от советско-японской войны 1945 г., которая тоже как бы «примыкает» к Великой Отечественной и память о которой практически неотделима от «большого нарратива», война советско-финляндская еще сопротивляется такому поглощению – во всяком случае, на низовых уровнях памяти, где она, пускай с разными целями, по-прежнему актуализируется и реконструируется. Да и в официальной памяти эта война все же присутствует: с одной стороны, сам факт умалчивания дает понять, что есть о чем умалчивать; с другой стороны, показательно, что в государственных региональных музеях Ленинградской области и Республики Карелия впрямую о войне фактически не говорится, но она все равно подразумевается – поскольку экспозиции этих музеев рассказывают (и довольно подробно) о «финской жизни» конкретных местностей до войны, о сталинских переселениях народов, связанных в том числе с итогами этой войны³, и о послевоенном освоении территорий.

¹ О расстрелах и раскопках в Сандармохе см. [Флиге, 2019], а также материалы в СМИ с диаметрально противоположными точками зрения: так, например, в материале портала «Вести» утверждается, что «Историки РВИО поставили точку в расследовании происхождения захоронений урочища Сандармох» (<https://www.vesti.ru/article/2426520>, дата обращения – 20.07.2021 г.), а в более ранней статье «Коммерсанта» сообщается, что «мертвых записали в Красную армию» (<https://www.kommersant.ru/doc/4060418>, дата обращения – 20.07.2021 г.).

² См., например, работы С.Г. Веригина [Веригин, Лайдинен, 2004; Веригин, 2020 и др.].

³ Об этом см., например, [Такала, 2020].

Почему же эта война занимает особое положение в коллективной памяти современного российского социума — при всей избирательности такой памяти? Как представляется, причин здесь две, и первая лежит на поверхности: до пандемии турпоток в соседнюю Финляндию (а также из Финляндии в Россию, на бывшие финские территории) был чрезвычайно обильным, а в Финляндии господствует совершенно другой, конкурирующий исторический нарратив, в котором эта война единодушно признается важнейшим фактором национального самоопределения, важнейшей «точкой памяти»; сталкиваясь с различными формами финской памяти о войне 1939–1940 гг., жители России так или иначе «заражались» интересом к этому конфликту, — а жителям Северо-Запада тема близка и потому, что это история мест их проживания. Вторая причина менее очевидна: эта война, в отличие от той же советско-японской, предшествовала Великой Отечественной — и имела трагические последствия для СССР, несмотря на победу; не исключено, что помнить о ней побуждает, помимо географии, травматический опыт, не пережитый до конца и спустя три поколения¹, и сегодня этот опыт воплощается в том числе в формах памяти, рассмотренных в настоящей статье.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аптекарь П.А. Оправданы ли жертвы? О потерях в советско-финляндской войне // *Военно-исторический журнал*. 1992. № 3. С. 43–45.

Аптекарь П.А. Советско-финские войны. М.: Эксмо, Яуза, 2004. 384 с.

Веригин С.Г. Без срока давности: преступления финских оккупантов и их пособников против мирного населения Карелии // *Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны*. М.: Фонд «Связь Эпох»; Издательство «Кучково поле», 2020. С. 19–55.

Веригин С.Г., Лайдинен Э.П. Финская разведка против Советской России. Петрозаводск: Риф, 2004. 304 с.

Вихавайнен Т. Чудо «зимней войны»: разобщенная нация обретает единство // *Родина*. 1995. № 12. С. 74–76.

Война и общество в XX веке. В 3-х книгах. Кн. 2: Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. Под ред. Поздеевой Л.В. М.: Наука, 2008. 676 с.

Гребенкин И.Н. «Забывтая» война как феномен общественного восприятия и научных исследований // *Портал «История.рф»*. 04.08.2014. URL: <https://histrf.ru/read/articles/zabytaia-voina-kak-fenomen-obshchestvennogo-voSPIriatiia-i-nauchnykh-issliedovaniia> (дата обращения — 20 июня 2021 г.).

Грибан И.В., Антропов К.А. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. на страницах школьных учебников истории современной России: эволюция подходов // *Преподавание истории в школе*. 2017. № 3. С. 42–49.

¹ Британский историк Т. Джудт справедливо замечает, что если в Западной Европе в наши дни налицо дефицит памяти, то в Восточной Европе наблюдается явный ее переизбыток [Judt, 1992, p. 117].

Зимняя война 1939–1940 гг. В 2-х книгах. Отв. ред. Ржешевский О.А. М.: Наука, 1998. 390 + 390 с.

Зотов Г.А. «Земля ночью стонет». Почему финны не признают вину в военных преступлениях // *Аргументы и факты*. 2020. № 28. Июль. С. 26.

Кан А.С. Кан Александр Сергеевич – историк-нордист (к 80-летию со дня рождения) // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2006. № 2. С. 109–111.

Королев К.М. «Возвращение истории»: общественные музейные инициативы сквозь призму исторической политики // *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. Под ред. А.И. Миллера, В.В. Лапина. СПб.: Изд-во Европейского университета. С. 199–212.

Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: РАН, ИНИОН, Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел полит. науки, 2013. 421 с.

Мединский рассказал о «моральном удовлетворении» по итогам Первой мировой войны // *Портал «МК.ru»*. 07.11.2018. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/11/07/medinskiy-rasskazal-o-moralnom-udovletvorenii-po-itogam-pervoy-mirovoy-voyny.html> (дата обращения – 20 июня 2021 г.).

Мейнандер Х. История Финляндии. М.: Весь Мир, 2013. 256 с.

От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. Отв. ред. В.Н. Барышников. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 454 с.

Память о войне. Попытка историографического осмысления. 02.03.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AjC6UueDA2I> (дата обращения – 20 июня 2021 г.).

Приказ Комитета по культуре Ленинградской области от 17.04.2019 № 01-03/19-230 «О включении выявленного объекта культурного наследия “Комплекс оборонительных сооружений линии Маннергейма (от Финского залива до Ладожского озера)”, расположенного в Выборгском районе Ленинградской области, в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, об утверждении границ территории и предмета охраны объекта культурного наследия». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4701201904250001?index=0&rangeSize=1> (дата обращения – 20 июня 2021 г.).

Путин: СССР в войне с Финляндией хотел исправить ошибки 1917 года // *РИА Новости*. 14.03.2013. URL: <https://ria.ru/20130314/927341148.html> (дата обращения – 20 июня 2021 г.).

Расила В. История Финляндии. 2-е изд., Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 2006. 360 с.

Рентола К. Сталин и судьба Финляндии. М.: Весь Мир, 2020. 240 с.

Такала И.В. Репрессии 1930-х годов носили особенно жестокий характер в Карелии // *Интернет-журнал «Лицей»*. 2020. URL: <https://gazeta-licey.ru/public/history/86399-irina-takala-repressii-1930-h-godov-nosili-osobenno-zhestokiy-harakter-v-karelii> (дата обращения – 20 июня 2021 г.).

«У нас, к сожалению, нет возможности создать что-то подобное». Автор «лагеря узников» в Карелии про Освенцим // Фонтанка.ру. 16.11.2020. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/11/16/69550153/> (дата обращения – 20 июня 2021 г.).

Флиге И.А. Сандормох: драматургия смыслов. СПб.: Нестор-история, 2019. 208 с.

Широкорад А.Б. Почему Зимняя война так и не закончилась // *Независимое военное обозрение*. Сентябрь, 2020. URL: https://nvo.ng.ru/history/2020-09-17/14_1109_history1.html (дата обращения – 20 июня 2021 г.).

Эткинд А. Кривое горе. Пять о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.

Юссила О., Хентилия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. 2-е изд. М.: Весь Мир, 2010. 471 с.

Judt T. The Past is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe // *Daedalus*. 1992. Vol. 21. № 4. Pp. 83–118.

REFERENCES

Aptekar' P.A. Opravdany li zhertyy? O poteryakh v sovetsko-finlyandskoi voine [Are the sacrifices justified? On casualties in the Soviet-Finnish War], in *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 1992. No 3. Pp. 43–45 (in Russian).

Aptekar' P.A. *Sovetsko-finskie voiny* [Soviet-Finnish wars]. Moscow: Eksmo, Yauza, 2004. 384 p. (in Russian).

Verigin S.G. Bez sroka давности: prestupleniya finskikh okkupantov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya Karelii [Without limitation: crimes of Finnish occupants and their accomplices against peaceful population of Karelia], in *Bez sroka давности: prestupleniya natsistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoi territorii RSFSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Without limitation: crimes of Nazis and their accomplices against peaceful population on occupied territory of Soviet Federative Socialist Republic in the Great Patriotic War]. Moscow: Fond "Svyaz' Epokh"; Izdatel'stvo "Kuchkovo pole", 2020. Pp. 19–55 (in Russian).

Verigin S.G., Laidinen E.P. *Finskaya razvedka protiv Sovetskoj Rossii* [Finnish intelligence against Soviet Russia]. Petrozavodsk: Rif, 2004. 304 p. (in Russian).

Vikhavainen T. Chudo "zimnei voiny": razobshchennaya natsiya obretaet edinstvo [The miracle of "Winter War": disintegrated nation gets the unity], in *Rodina*. 1995. No 12. Pp. 74–76 (in Russian).

Voina i obshchestvo v XX veke. V 3-kh knigakh. Kn. 2: Voina i obshchestvo nakanune i v period Vtoroi mirovoi voiny [War and Society in the 20th Century. In 3 books. Vol. 2: War and Society on the Eve and during the Second World War]. Ed. by. Pozdееvoi L.V. Moscow: Nauka, 2008. 676 p. (in Russian).

Grebenkin I.N. "Zabytaya" voina kak fenomen obshchestvennogo vospriyatiya i nauchnykh issledovaniy ["Forgotten" War as a Phenomenon of Public Perception and Scientific Research], in *Portal "Istoriya.rf"* [Portal "History.rf"]. 04.08.2014. URL: <https://histrf.ru/>

read/articles/zabytaia-voina-kak-fenomen-obshchestvennogo-voospriiatiia-i-nauchnykh-issledovaniy (accessed 20 June 2021).

Griban I.V., Antropov K.A. Sovetsko-finlyandskaya voina 1939–1940 gg. na stranitsakh shkol'nykh uchebnikov istorii sovremennoi Rossii: evolyutsiya podkhodov [The Soviet-Finnish War of 1939–1940 on the pages of school textbooks of modern Russian history: evolution of approaches], in *Prepodavanie istorii v shkole*. 2017. No 3. Pp. 42–49 (in Russian).

Zimnyaya voina 1939–1940 gg. V 2-x knigakh [The Winter War of 1939–1940. In 2 books]. Ed. by Rzheshhevskii O.A. Moscow: Nauka, 1998. 390 + 390 pp. (in Russian).

Zotov G.A. "Zemlya noch'yu stonet". Pochemu finny ne priznayut vinu v voennykh prestupleniyakh ["Earth Groaning at Night". Why Finns do not admit guilt of war crimes], in *Argumenty i fakty*. 2020. No 28. July. P. 26 (in Russian).

Kan A.S. Kan Aleksandr Sergeevich – istorik-nordist (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya) [Kahn Alexander Sergeevich – historian-nordist (to the 80th anniversary of his birth)], in *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2006. No 2. Pp. 109–111 (in Russian).

Korolev K.M. "Vozvrashchenie istorii": obshchestvennye muzeinye initsiativy skvoz' prizmu istoricheskoi politiki [The Return of History: Public Museum Initiatives through the Prism of Historical Policy], in *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoi Rossii i Vostochnoi Evrope* [Symbolic Aspects of Memory Policy in Contemporary Russia and Eastern Europe]. Ed. by A.I. Millera, V.V. Lapina. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta. Pp. 199–212 (in Russian).

Malinova O.Yu. *Konstruirovaniye smyslov: Issledovaniye simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii* [Constructing Meanings: A Study of Symbolic Politics in Modern Russia]. Moscow: RAN, INION, Tsentr sotsial'nykh nauch.-inform. issled. Otdel polit. nauki, 2013. 421 p. (in Russian).

Medinskii rasskazal o "moral'nom udovletvorenii" po itogam Pervoi mirovoi voiny [Medinsky told about "moral satisfaction" on the results of the First World War], in *Portal "MK.ru"*. 07.11.2018. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/11/07/medinskiy-rasskazal-omoralnom-udovletvorenii-po-itogam-pervoy-mirovoy-voyny.html> (accessed 20 June 2021).

Meinander Kh. *Istoriya Finlyandii* [History of Finland]. Moscow: Ves' Mir, 2013. 256 p. (in Russian).

Ot voiny k miru: SSSR i Finlyandiya v 1939–1944 gg. [From war to peace: the USSR and Finland in 1939–1944]. Ed. by V.N. Baryshnikov. Saint-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2006. 454 p. (in Russian).

Pamyat' o voine. Popytka istoriograficheskogo osmysleniya [Memory of the War. Attempt of historiographical comprehension]. 02.03.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AjC6UueDA2I> (accessed 20 June 2021).

Prikaz Komiteta po kul'ture Leningradskoi oblasti ot 17.04.2019 No 01-03/19-230 "O vkluychenii vyyavlenogo ob'ekta kul'turnogo naslediya "Kompleks oboronitel'nykh sooruzhenii linii Mannergeima (ot Finskogo zaliva do Ladozhskogo ozera) ", raspolozhennogo v Vyborgskom raione Leningradskoi oblasti, v edinyi gosudarstvennyi

reestr ob"ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossiiskoi Federatsii, ob utverzhenii granits territorii i predmeta okhrany ob"ekta kul'turnogo naslediya" [Order of the Committee on Culture of the Leningrad Region from 17.04.2019 No 01-03/19-230 "On inclusion of the revealed object of cultural heritage "Complex of defensive constructions of the Mannerheim Line (from the Gulf of Finland to Ladoga Lake)" located in Vyborg district of Leningrad region, in the unified state register of cultural heritage objects (historical and cultural monuments) of people of Russian Federation, on approval of the territory borders and the object of protection of the cultural heritage"]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4701201904250001?index=0&rangeSize=1> (accessed 20 June 2021).

Putin: SSSR v voine s Finlyandiei khotel ispravit' oshibki 1917 goda [Putin: USSR in war with Finland wanted to correct mistakes of 1917], in *RIA Novosti*. 14.03.2013. URL: <https://ria.ru/20130314/927341148.html> (accessed 20 June 2021).

Rasila V. *Istoriya Finlyandii* [History of Finland]. 2nd ed. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodskogo universiteta, 2006. 360 p. (in Russian).

Rentola K. *Stalin i sud'ba Finlyandii* [Stalin and the fate of Finland]. Moscow: Ves' Mir, 2020. 240 p. (in Russian).

Takala I.V. Repressii 1930-kh godov nosili osobenno zhestokii kharakter v Karelii [Repressions of 1930's were especially cruel in Karelia], in *Internet-zhurnal "Litsei"*. 2020. URL: <https://gazeta-licey.ru/public/history/86399-irina-takala-repressii-1930-h-godov-nosili-osobenno-zhestokiy-harakter-v-karelii> (accessed 20 June 2021).

"U nas, k sozhaleniyu, net vozmozhnosti sozdat' chto-to podobnoe". Avtor "lagerya uznikov" v Karelii pro Osventsim ["We, unfortunately, do not have an opportunity to create something similar". Author of "prisoners' camp" in Karelia about Auschwitz], in *Fontanka.ru*. 16.11.2020. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/11/16/69550153/> (accessed 20 June 2021).

Flige I.A. *Sandormokh: dramaturgiya smyslov* [Sandormoh: The Dramaturgy of Meanings]. St. Petersburg: Nestor-istoriya, 2019. 208 p. (in Russian).

Shirokorad A.B. Pochemu Zimnyaya voina tak i ne zakonchilas' [Why the Winter War never ended], in *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. Sentyabr', 2020. URL: https://nvo.ng.ru/history/2020-09-17/14_1109_history1.html (accessed 20 June 2021).

Etkind A. *Krivoe gore. Payat' o nepogrebennykh* [Crooked Grief. Soldering about the unburied]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 328 p. (in Russian).

Yussila O., Khentilya S., Nevakivi Yu. *Politicheskaya istoriya Finlyandii*. 2-e izd. Moscow: Ves' Mir, 2010. 471 p. (in Russian).

Judt T. The Past is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe, in *Daedalus*. 1992. Vol. 21. No 4. Pp. 83–118.

Статья принята к публикации 28.07.2021